

Топ-5 корпоративных споров 2023 года

05.04.2024

СТАТЬИ

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Дело об иностранной «мертвой душе»

Дело «ЭЛВИС-ПЛЮС» [\[1\]](#) ОПРЕДЕЛЕНИЕ СКЭС ВС РФ ОТ 31.01.2023

№ 305-ЭС22-13675 ПО ДЕЛУ № А40-146631/2021

АО «ЭЛВИС-ПЛЮС» обратилось с иском об исключении из списка акционеров американского юридического лица, ликвидированного еще в 1997 г.

Изначально общество попыталось в судебном порядке установить факт ликвидации американского юридического лица (дело № А40-85749/2021), однако суды отказали в удовлетворении иска, указав, что данный факт подлежит установлению только в американском суде.

Тогда общество подало иск с требованием о признании регистратором акций бесхозяйными (ст. 226 ГК РФ) и об их передаче в пользу общества. Нижестоящие суды в удовлетворении иска отказали.

Верховный Суд отменил решения нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение, указав следующее:

1. При ликвидации акционера, если не происходит правопреемства в отношении акций, имеет место фактически его добровольный выход из общества. По аналогии к таким правоотношениям применяются положения Закона об акционерных обществах о выкупе акций (ст. 72, 73, 74, 76).
2. На истца нельзя возлагать обязанность по доказыванию отрицательного факта отсутствия право-

преемников американского юридического лица.

3. Ликвидация акционера и неосуществление им своих прав в течение продолжительного времени свидетельствуют о наличии у него воли на выкуп его акций обществом.

4. Неправильная ссылка истца на нормы о бесхозяйных вещах сама по себе не может служить основанием для отказа в удовлетворении иска.

При новом рассмотрении требования истца были удовлетворены, акции переданы обществу для последующего перераспределения.

[1] Мы уже обращали внимание на это дело в одной из статей. — См.: Степанушкина К., Новоселова Н. «Мертвые души» АО, или Как ВС РФ компенсирует отсутствие регулирования // Legal Insight. — 2023.—№5

Комментарий Евгении Смирновой, директора юридического департамента ООО «СОЛАР СЕКЬЮРИТИ»

Данный кейс позволяет значительно сократить издержки обществ, акционерами которых являются ликвидированные / недействующие лица.

Дело было сложным, так как суды нижестоящих инстанций, несмотря на предоставление информации из официального реестра юридических лиц США по штату Калифорния (аналог российского ЕГРЮЛ), а также апостилированного свидетельства о ликвидации иностранного юридического лица, в которых отсутствовала информация о правопреемниках, кредиторах и конечных бенефициарах ликвидированного акционера планомерно указывали, что АО не представило доказательства того, что оно обращалось к указанным выше лицам по поводу спорных акций. Также суды считали, что АО не доказало отсутствие возможности обращения кредиторов такого лица с иском о распределении обнаруженного имущества ликвидированного должника.

Для правоприменительной практики, по нашему мнению, важно, что ВС РФ не согласился с тем, что для подтверждения допустимости зачисления акций на счет эмитента нужно было представить доказательства, с бесспорностью исключающие вывод о переходе прав на акции к иным потенциальным владельцам (учредителям и участникам акционера, его конечных бенефициарам, кредиторам) в соответствии с законодательством США.

Также важно, что ВС РФ указал на необходимость учитывать объективные возможности участников оборота обеспечить подтверждение фактов, имеющих значение для дела. Неблагоприятный для стороны исход спора нельзя предопределить возложением на эту сторону заведомо неисполнимой для нее обязанности по доказыванию, например, возложением обязанности по доказыванию факта отсутствия правоотношений (отрицательный факт).

Комментарии экспертов The CASE by Legal Insight

Екатерина Макеева

Кейс имеет прецедентное значение. Суд сформулировал презумпцию: ликвидация акционера и неосуществление им своих прав на протяжении продолжительного периода свидетельствуют о фактическом проявлении им воли на выкуп принадлежащих ему акций обществом. Отсутствие у ликвидированного акционера правопреемников подтверждается самим фактом ликвидации и длительным отсутствием связи с эмитентом. Последнее вызывает некоторые сомнения относительно возможности полной экстраполяции на российских акционеров. Кроме того, существует возможность дискреции относительно того, что именно следует считать продолжительным периодом времени в аналогичных ситуациях.

Дело о том, что акт приемки-передачи может быть сделкой

Дело «РанситиГрупп» (участник ООО «СпецЛогистика»)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВС РФ ОТ 05.05.2023

№ 305-ЭС22-29647 ПО ДЕЛУ № А40-286306/2021

Конечный бенефициар обратился в суд с оспариванием цепочки сделок (акта приема-передачи), в результате выстраивания которой из дочернего в нижестоящее общество были выведены активы через внесение в уставный капитал другого общества. Нижестоящие суды отказали в удовлетворении иска, сославшись на то, что акт приема-передачи не является сделкой (ст. 153 ГК РФ), а составлен во исполнение воли участников дочернего общества, более того, сделка дочернего общества была одобрена по правилам о крупных сделках.

Верховный Суд РФ не согласился с этим, пояснив, что решение о согласии на совершение крупной сделки, принятое в условиях конфликта на уровне участников или фактических бенефициаров, если этот конфликт привел к утрате корпоративного контроля над хозяйственным обществом, как правило, отражает волю и соответствует интересам лишь одной стороны конфликта. Такая сделка может быть признана недействительной в судебном порядке, если истец докажет, что другая сторона знала или заведомо должна была знать (например, в силу аффилированности с участником корпоративного конфликта) о том, что согласие на совершение крупной сделки носило лишь формальный характер.

Передача имущества (акт приема-передачи) в порядке внесения вклада в уставный капитал ООО следует квалифицировать в качестве самостоятельной сделки, которая может быть оспорена в судебном порядке, поскольку указанные действия направлены на отчуждение имущества в пользу другого лица и непосредственным образом изменяют гражданские права.

Истечение срока исковой давности по иску, заявленному участником корпорации, фактически контролируемой другой стороной корпоративного конфликта, не может начаться прежде, чем у процессуального истца наступит полная субъективная осведомленность об основаниях для оспаривания сделки, то есть обо всех обстоятельствах, из которых складывается юридический состав ее недействительности.

Комментарий Андрея Орлова, адвоката, руководителя практики разрешения споров КА «Регионсервис»

В ходе корпоративных конфликтов почти всегда происходит борьба за какой-то материальный актив, а не за реализацию прав участников корпорации. Данное дело позволяет снизить риски фактической утраты имущества по сомнительным сделкам, не имеющим достаточного экономического обоснования, в условиях корпоративных конфликтов.

Вопрос квалификации акта приема передачи имущества, составленный во исполнение решения общего собрания в качестве сделки стал ключевым для рассматриваемого дела. Верховный суд согласился с тем, что в рассматриваемом случае применимы нормы об оспаривании сделок.

Нами было успешно доказано, что публикаций в СМИ о наличии корпоративного конфликта недостаточно для начала отсчета срока исковой давности, достоверно установлена дата, когда акционер получил редакцию оспариваемого акта приема-передачи имущества. Верховным судом поддержана позиция, что недопустимо возлагать бремя доказывания сговора на истца, поскольку сговор всегда скрыт, необходимо проверять подозрения и именно ответчик должен обосновать экономическую целесообразность сделки.

В результате нашей работы в деле о банкротстве достигнуто мировое соглашение, предприятие восстановило свою деятельность, восстановлены рабочие места и выплачена задолженность перед бюджетом (около 100 млн рублей).

Комментарии экспертов The CASE by Legal Insight

Алексей Станкевич

В данном деле Верховный Суд РФ не согласился с формальным подходом судов нижестоящих инстанций — им следовало учитывать ситуацию корпоративного конфликта.

Примечательно обоснование консультантами того, что акт приема-передачи является самостоятельной сделкой.

Екатерина Макеева

В основе этого кейса лежат вопросы волеформирования и волеизъявления в корпорациях, а также механизмы контроля над деятельностью общества, в том числе посредством одобрения экстраординарных сделок. Крупная сделка может быть признана недействительной, если будет доказано, что другая сторона знала или заведомо должна была знать (например, в силу аффилированности юридического лица с участником корпоративного конфликта) о том, что согласие носило лишь формальный характер, поскольку было дано в условиях лишения другого участника возможности осуществлять корпоративный контроль.

Дело о супружеской доле

Дело Богдановой

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СКЭС ВС РФ № 305-ЭС23-8438 ПО ДЕЛУ № А40-91941/2022 ОТ 28.08.2023

Супруг — владелец 100% долей общества, приобретенных им в браке, увеличил уставный капитал за счет принятия нового участника, в результате чего его доля уменьшилась до 10%. Супруга оспорила состоявшееся увеличение капитала, ссылаясь в числе прочего на то, что для отчуждения требовалось ее нотариальное согласие, так как имело место скрытое распоряжение общим имуществом (по правилам п. 3 ст. 35 СК РФ).

Суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал.

Апелляционные и кассационные суды, напротив, иск удовлетворили, увидев здесь скрытое

распоряжение совместным имуществом супругов, которое требовало нотариального согласия супруги, и признав, что новый участник знал об этом.

Верховный Суд РФ отменил решения апелляции и кассации, отметив, что супруга в данном случае не является стороной товарищеского соглашения и, не имея личных неимущественных прав в отношении общества, не может непосредственным образом участвовать в управлении им.

Интересны замечания суда относительно исчисления исковой давности по требованиям супруга. Если нижестоящие суды отсчитывали этот срок с даты судебного раздела имущества, то, по указанию Верховного Суда, супруг участника должен был узнать об этом раньше: либо с момента приобретения доли, либо позже из открытых источников.

Алексей Станкевич

На практике одной из наиболее актуальных проблем является признание сделок по отчуждению долей в уставных капиталах ООО недействительными по причине отсутствия нотариального согласия супруга. В данном деле Верховный Суд РФ указал, что при таком оспаривании основополагающий вопрос состоит в экономической нецелесообразности сделки.

Екатерина Макеева

Суд напоминает, что защита прав супруги, не дававшей согласия на распоряжение общим имуществом, может быть осуществлена за счет перераспределения супружеских долей. Каких-либо доказательств, опровергающих «инвестиционные цели» вхождения в общество нового (старого) участника, суду не представлено, соответственно, нельзя полагать, что отчуждение доли было совершено с целью размытия супружеской доли.

Дело об исключении участника в период корпоративного конфликта

Дело Нурахметова No А08- 11902/2021

Нурахметов (истец) в судебном порядке расторг договор купли-продажи мажоритарной доли в ООО и оспорил сделку, направленную на вывод активов из общества.

После чего обратился в суд с иском об исключении из общества ответчика.

Верховный Суд РФ отменил решения нижестоящих судов, указав, что наличие корпоративного конфликта не является основанием для отказа в удовлетворении иска об исключении участника.

Комментарии экспертов The CASE by Legal Insight

Виктор Домшенко

В этом деле Верховный Суд РФ поправил очевидную ошибку нижестоящих судов. В 2023 г.

Верховный Суд РФ принял еще один похожий судебный акт (No 305- ЭС22-28611).

Дело о косвенной доле и пассивном представительстве

Дело Куфмана

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СКЭС ВС РФ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ ОТ 16.11.2023 № 305-ЭС23-13487 ПО ДЕЛУ № А40-219032/2022

Истец (Куфман), участник основного общества, в котором он владеет долей в размере 47%, оспаривал решение дочерней компании, принятое без учета его мнения.

Нижестоящие суды отказали истцу в удовлетворении заявленных требований, сославшись на то, что он не обладает правом на подачу косвенного иска.

Верховный Суд РФ отменил предыдущие решения, указав следующее:

1. Участники холдингов, не имеющие прямого участия в обществе, не имеют права на подачу косвенных исков, так как иное нарушало бы частную автономию непосредственных участников обществ и противоречило бы принципу невмешательства в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Но возможны исключения, если у лица есть экономический интерес.
2. Признание голосования недействительным может повлечь за собой недействительность решения общего собрания, если могло повлиять на результаты голосования или было поражено пороком воли. Соответственно, участник материнского общества мог оспорить голосование директора на общем собрании.
3. В случае пассивного представительства участник дочернего общества знал о нарушении директором основного общества устава, ограничивающего его полномочия, вследствие чего возможно оспаривание по п. 1 ст. 174 ГК РФ.

Комментарии экспертов The CASE by Legal Insight

Виктор Домшенко

В этом деле Верховный Суд РФ сформулировал сразу несколько важных, а в отдельных случаях — новых для корпоративного права, правовых позиций. В частности, Суд обсудил принцип релевантности и его содержание (учет того, воспрепятствовало ли допущенное процедурное нарушение реализации участником своего права на участие в принятии решений), изложил позицию о недопустимости оспаривания участником общества первого уровня решений обществ последующих уровней, сфокусировал внимание на сделочной

природе решений собраний участников (акционеров), сделал вывод по вопросу знания участником спора о допущенных нарушениях в силу пассивного представительства.

Алексей Станкевич

В уставе общества указано, что решения о голосовании на общем собрании дочерней компании должны быть приняты квалифицированным большинством, чего в данном случае не было.

Екатерина Макеева

Верховный Суд РФ делает ставшую уже привычной отсылку к тому, что решение собрания является особым видом сделки. Но сделка — это, во-первых, действие; во-вторых, действие граждан или юридических лиц; в-третьих, действие, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Решение общего собрания подпадает только под первый из этих критериев. В противном случае пришлось бы признать наличие правосубъектности не только у общего собрания, но и у совета директоров, из чего вытекала бы обязательность их решений для исполнительного органа (это же сделка).

Функцией, которую выполняют общее собрание и совет директоров в юридическом лице, — это волеформирование, тогда как волеизъявление закреплено за лицом, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, то есть генерального директора. Наличие пороков в любом из этих процессов, когда волеизъявление невозможно без волеформирования, влечет за собой правовые последствия при выражении воли от имени юридического лица. Представляется, что это тот случай, когда нужно быть осторожнее со словами: аналогия возможна, а вот квалификация в качестве сделки — нет.

СТАТЬИ

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО